

Прогулка при луне

«Уж сколько их упало в эту бездну» — вспоминается при мысли о многочисленных театрах-студиях и театриках, которые начинали, воодушевленные эстетической идеей или хотя бы собственной энергией, а потом исчезали или вот-вот готовы уйти в небытие. Уйти, воплотить на своем примере идею «театры должны естественно рождаться и естественно умирать», что в нынешних условиях означает не выдерживать бесконечной тонки в поисках средств. Навивный расчет, что художественная ценность спектаклей немедленно привлечет внимание и помощь со стороны общественных ли, государственных или частных структур, обернулся горьким разочарованием.

Даже новообразования, во главе которых стоят известные и популярные личности, чьи имена служат своеобразным залогом, гарантией привлечения публики, не могут похвастать благополучием, что уж говорить о тех, кто не обладает подобными преимуществами. Однако ситуация меняется стремительно: ныне рдеают все отнюдь не замыслы и даже не постановки. И даже не финансы. Главное богатство — собственное помещение (пусть даже в долгосрочной аренде). Тогда можно думать над долговременной стратегией, пробовать те или иные проекты — тыл обеспечен.

«Театр Луны» — раскопчен неподатку от крупных своих собратьев, театров Сатиры и имени Моссовета, в пяти минутах ходьбы от площади Маяковского. Подвальное происхождение ошутимо, хотя и уютный зал с разно-

образной аппаратурой, и эlegantное фойе носят следы стараний превратить нечто унылое во вполне удобное и даже элитарное: скульптуры, графика, светильники, напоминающие о названии театра.

Под этим именем театр существует уже давно, но до сих пор давал главным образом недраматические представления. Теперь он имеет возможность составить свой репертуар.

Первой премьерой в качестве стационарного театра избрана «Отравленная туника» Николая Гумилева. Первооткрывательства нет: имя поэта значится на афише «Сферы» и экспериментального театра под руководством В. Спесивцева, примерно год назад выпустил ту же пьесу театр «Сочпричастность». Однако, судя по полному залу и не слишком малой цене билетов (несколько тысяч), выбор пришелся по сердцу или потребностям публики.

Любовь и коварство, сочувствие и презрение всегда составляли предметы, для публики притягательные, и ощущения, зрителем в театре ясные. А тут еще Византия, о которой обыватель имеет весьма приблизительное представление, дикий арабский поэт на фоне утопающего в роскоши и наслаждения императорского двора, первое чувство тринадцатилетней дочери императора и государственный расчет — выдать ее за чужеземного дая, чтобы, отравив последнего при помощи свадебной туники (что это одежда, а не блудо или оружие, можно догадаться), присоединить еще клочок земли к владениям Юстиниана. В общем, пользуясь определением одного литературного персонажа, — «здесь все есть, коли нет обмана», однако поэтический обман надо еще претворить

в иллюзию сценическую.

Как и большинство подобных предприятий, театр Луны делает ставку на актеров. Точнее — на их имена, которые в массовом сознании служат фирменным знаком: Анатолия Ромашина или Ирину Метлицкую представлять не надо, увидеть их в непосредственной близости заманчиво.

Однако, простого присутствия известных артистов недостаточно; требуется, чтобы с ними (то есть, их персонажами) что-нибудь происходило. А при всем изобилии событий пьесы на подлунных подмостках она выглядит скорее произведением абсурдистским, лишенным какой бы то ни было четкости и определенности. Поскольку о чем бы ни шла в данный момент речь — о первом свидании арабского

поэта с дочерью императора или об интриге императрицы, разжигающей ревность жениха падчерицы, — глазу предстают все те же томительно-танцевальные движения и жесты персонажей. Даже в эпизодах вполне официальных, типа торжественного приема у властителя, характер картины не меняется. Рассогласование между зримым и подразумеваемым подчиняет все и всех. Невнятная девочка ведет себя неотличимо от императрицы, гетеры с богатым прошлым. Подозревающий последнюю, супруг кажется воверженным слепцом, потому что в его присутствии она обращается с другими мужчинами весьма квалифицированно. И так далее — со всеми без исключения героями и во всех вне различий обстоятельствах.

Тогда становится понятно, что под лунным именем открылся театр вовсе не драматический: налицо попытка соперничества с Романом Виктюком и его антрепризой. Зрелище можно бы назвать театром эротическим, если бы не одна особенность: в нем все смотрится одинаково, молодые и зрелые, многоопытные и неискушенные, мужчины и женщины. Страсть предполагает все же развитие, разнообразие, индивидуальность проявления. Монотонность как-то неловко в ней сочетается. А эротика, которая усыпляет, может быть, и оригинальна, но уж вряд ли соблазнительна.

Глава театра и постановщик Сергей Проханов, похоже, учел все материальные недочеты своих предшественников и современников. Однако это условие необходимое, но далеко недостаточное. Хорошо бы, помимо средств для выражения, иметь и нечто, достойное высказывания.

Александр НИКИТИН.

● Сцена из спектакля.

Фото Елены Гусовой.

Зеркало и сцена —